

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1137-1147, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 398.324

The Ubykh`s Social Typology

Vladimir I. Kolesov^{a, *}^a E.D. Felitsyn`s Krasnodar State Historical and Archeological Museum, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to social structure of the Ubykhs, which depended on different patterns, such as environment (two landscape zones), livelihood culture and social organization of the production.

The author used unpublished documents from Krasnodarsky krai State Archive and personal sources. The author analyzed previous historical studies (A.N. Genko, P. Uslar, L.I. Lavrov, G. Dumezil, M.Kh.-B. Kishmakhov, M.G. Khafizova, V.I. Voroshilov, A.A. Cherkasov, etc.).

The author researched the role of political leaders in functional processes, especially Berzeks family. There is the observe of Russian influence on Ubykhs culture. The Ubykhs political integration was temporary and unstable.

In conclusion, the author analyzed the Ubykh “cultural core”. The Ubykhs society was the regional politia with simple chiefdom.

Keywords: Ubykhs, Black Sea Coast, Russian Empire, chiefdom, Berzeks, core of culture, society, politia

1. Введение

Трагическая история убыхов, одного из коренных народов Северо-Западного Кавказа, привлекает внимание специалистов в области гуманитарных наук уже более 150 лет (Лавров, 2009; Кишмахов, 2012). И если уникальность убыхского языка, занимающего особое срединное положение в семье адыго-абхазских языков, является общепризнанным фактом (Услар, 1887; Генко, 1928; Dumezil, 1931), то социокультурная классификация убыхской общности до сих пор вызывает оживленную дискуссию. Цель данной статьи рассмотреть убыхскую специфику в контексте концепции «ядра культуры» Дж. Стюарда (Johnson and Earle, 2000), во взаимосвязи адаптационных механизмов к реалиям окружающей среды, экономики и социальной организации производства, политической интеграции и расслоения.

2. Материалы и методы

В фокусе исследовательского внимания оказался период проживания убыхов на Северо-Западном Кавказе, до ухода в эмиграции, период целостности данной общности. Были использованы материалы как опубликованных (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией), так и неопубликованных архивных источников Государственного архива Краснодарского края, среди которых наиболее ценными являются материалы, отложившиеся в фонде Начальника Черноморской Береговой линии (Ф. 260). Составленные российскими чиновниками (в основном, офицерами) на русском языке документы отражают реалии и события, происходившие на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в 1830–1860-е гг., при этом немалое внимание авторы уделяли взаимоотношениям с местным населением – убыхами, джигетами, черкесами. Кроме того, среди сохранившихся документальных источников ценны созданные от имени самих горцев клятвенные обещания (ГАКК. Ф. 260).

* Corresponding author

E-mail addresses: kolesov_v@yahoo.co.uk (V.I. Kolesov)

Использованные эго-документы середины XIX в. представляют собой дневниковые записи англичанина Джеймса Бэлла и воспоминания поляка Теофила Лапинского, участвовавших в событиях Кавказской войны на стороне местного горского населения (Бэлл 1, 2007; Бэлл 2, 2007; Лапинский, 1995). Гетерогенность анализируемых материалов позволяет исследовать сложные социально-политические ситуации и взаимодействия военного времени со стороны различных противоборствующих сторон. При анализе письменных источников использовался метод историзма – принцип рассмотрения природных и социально-культурных явлений в динамике их изменения, становления во времени, в закономерном историческом развитии, предполагающий анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. История изучаемого объекта воспроизводится во всей своей многогранности, с учетом мельчайших подробностей.

Для определения специфики убыхов как социокультурного организма нами были использованы совокупность методов и подходов, присущих как для теории социальной эволюции (Johnson and Earle, 2000: 26), так и для политической антропологии, а именно, анализ взаимосвязи использования ресурсов окружающей среды с редистрибуцией и надлокальной централизацией (Крадин, 2004: 167).

3. Обсуждение

Убыхская проблематика оказалась в фокусе внимания отечественных и зарубежных ученых-гуманитариев в последней четверти XIX в. Известный лингвист и этнограф П.К. Услар составил обзор состояния убыхского языка (Услар, 1887: 75–103). Позднее уже в Османской империи исчезающий убыхский язык исследовали Бенедиктсен и А. Дирр (Dirr 1928: 134), а в Турецкой республике – Ю. Месарош, Ж. Дюмезиль и Х. Фогт (Dumézil, 1931; Meszaros 1934; Vogt, 1963). Советские лингвисты А.Н. Генко, М.Я. Немировский внесли свой вклад в изучение убыхского языка (Генко, 1928; Немировский, 1947: 37–54). В советской историографии выделялась статья А.В. Фадеева об участии убыхов в освободительном движении на Западном Кавказе (Фадеев, 1935: 135–181), но специальных работ исследовавших культуру убыхов не появилось. После опубликования художественного произведения Б. Шинкубы «Последний из ушедших», прототипом главного героя которого стал последний носитель языка убых Тевфик Есенч, наблюдается рост интереса к истории, языку и культуре этой этнической общности. В постсоветский период была защищена кандидатская диссертация по историческим наукам М.Г. Хафизовой, в которой в том числе была рассмотрена социальная организация убыхов (Хафизова, 2007). В 2009 г. увидела свет рукопись выдающегося отечественного кавказоведа Л.И. Лаврова (1909–1982), не опубликованная при жизни автора (Лавров, 2009). Известный канадский исследователь Дж. Коларуссо выпустил монографию о нартской эпосе кавказских народов, в том числе и убыхов (Colarusso, 2002). В последние годы можно отметить выход фундаментальной монографии М.Х-Б. Кишмахова и ряд других исследовательских работ по убыхской тематике (Ворошилов, 2006; Кишмахов, 2012; Cherkasov et al., 2015).

4. Результаты

Территория проживания убыхов определялась в письменных источниках XIX в. как причерноморская часть Северо-Западного Кавказа: долины рек Саше, Хосты/Хамыш (Коков, 2000: 419), Субеши и Шахе, верховья Мзымты. Они соседствовали с севера с адыгскими сообществами шапсугами, абадзехами, а также – с абазинами, к югу – в горах с псхувцами, айбга и ахчипсоу (три общества джигетов-садзов, близкородственных абазинам), в низине в прибрежной полосе – с собственными джигетами (садзами). Со всеми своими соседними обществами убыхи находились в той или иной степени взаимоотношений – от консолидации и интеграции до вооруженных столкновений. По подсчетам исследователей, в середине 1830-х гг. убыхов насчитывалось до 12 тыс. чел. (Cherkasov et al., 2016: 387).

К середине XIX века сложилась две территориальных зоны проживания: прибрежная (смешанная), где «лингвистические» убыхи входили в состав обществ совместно с садзами, шапсугами, абхазами, и предгорная, место жизнедеятельности убыхских обществ («собственно» убыхов). Зыбкая граница между соседними обществами постоянно нарушалась, обуславливая взаимопроникновения социокультурных характеристик. Например, российские чиновники генерал-майор князь Бекович-Черкасский и полковник Гасфорт в рапорте графу Паскевичу от 17 сентября 1830 г. анализировали население Северо-Западного Кавказа, где указывали, что в народ Адиге входят несколько племен, главное из которых Абадзе, делящееся на колена – собственно Абадзе, Натухайцы, Шапсуги, Абадзехи. Так вот, «собственно Абадзе» по их словам жили по берегу Черного моря на реках Саше, Шахе и Субеше. Место убыхам они определяли в центре этих земель «в средоточии сих четырех племен». Их они характеризовали хоть и отличающимися во многом по языку, но в политическом и географическом смысле относящихся к вышеуказанным племенам (АКАК, 7: 904). Делили они убыхов на Саше и Вардане и определяли численность их в количестве 3 тыс. дворов и 1,5 тыс. вооруженных человек (АКАК, 2: 906). В 1830-х гг. англичанин Дж. Бэлл описывал ситуацию следующим образом. «Вдоль побережья жители говорят на трех различных языках: «адыге», который распространен до маленькой речки Бу, являющейся южной границей Нотухача; «абаза», между Бу и Хамишем; и «азра», от Хамиша и далее на юг, до границы с Мингрелией... Некогда

жители обоих берегов Хамиша в результате древних распрей относились друг к другу холодно и со взаимной неприязнью, и между ними существовали ограниченные сношения и малая общность чувств. Однако, по мере усиления внешних притеснений, опасность такого состояния дел стала более очевидной, и два вождя – Джерико-Оку Ислам, южный вождь, и Хаджи Дачим-Оку (Хаджи Догомуко Берзек – В.К.)... договорились положить этому конец» (Бэлл 2, 2007: 42–43). Этот процесс в российских документах выглядел противоположным, не интегрирующим, а дифференцирующим. Н.Н. Раевский (либо чиновник из его окружения, составивший документ) объяснял, что население, проживавшее между р. Хамыш («6 морских миль к югу от Соче») и Мингрелией, зовет себя «азога», а в русских документах именовались «абхазцами». Оно подчинялось владетельным князьям Абхазии Шервашидзе. «С некоторого времени часть этого народа от Хамыша до Гагры отложились от Шервашидзе» и вступили в «тесный» союз с джигетами, «состоящими из трех обществ Вордане, Саше, Убых» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62. Л. 46 об.–47 об.). Л.И. Лавров в своей фундаментальной работе, проанализировав многочисленные источники XIX в., и более поздние академические труды, выделил три основных типологии общности убыхов: отнесение их к адыгскому культурному массиву как одного из «племён» (то есть частей, составляющих адыгов), признание их частью абхазского мира, наряду с садзами, ахчипсоу, айбга, цужа, хамышевцами, и т.д., и, наконец, выделение их в самостоятельный народ, отличающийся особым языком (занимающим промежуточное положение между абхазским и адыгским) и культурой (Лавров, 2009: 30–37). Между тремя этими версиями имелись «переходные» модели представления убыхов. Например, констатация факта функционирования черкесской культуры, при наличии своего особого убыхского языка. Такие классификационные парадигмы пытались жестко очерчивать границы убыхской общности, но донациональная эпоха предлагала другую перспективу – совокупность автономных убыхских и соседних обществ, постоянно взаимодействующих между собой в конкуренции за ресурсы окружающей среды, и поэтому, меняющие стратегии «выживания» в зависимости от гетерогенных конъюнктур.

Главами этих обществ («значительнейшие Убыхские фамилии» по терминологии российского чиновничества) считались дворяне-куашха: Берзек, Чизьма, Дычан (Джан), Зияш (Дзейш), Хунджа (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1 Д. 289. Л. 46).

Убыхские общества (по Л.И. Лаврову: Вардане, Субеш/Субешх, Саше/Сочэ, Хизе, Псахе-Чизма, Хоста/Хамыш) состояли из отдельных семей, живших небольшими деревнями (3–4 семьи). В то же время такие деревни (аулы) могли тянуться на значительное расстояние. Л.И. Лавров описывает сел. Вардане как начинавшееся в трех километрах от моря, и протянувшееся по рекам Дагомыс на 18 километров до их верховий (Лавров, 2009: 40–45). Таким образом, каждая локальная убыхская группа состояла из разросшихся семейных единиц. Сословная структура такой группы на начало XIX в. выглядела следующим образом: дворяне (куашха) – «лидеры» (чаще всего, военные), подвластные им крестьяне и рабы, а также свободные крестьяне-общинники (вагыш), имеющие права голоса на народных собраниях. В дальнейшем такая структура трансформировалась: в 1840–1850-е гг.: верховенство занимают свободные сословия или вольные жители, а не дворяне. Небольшие аулы принадлежали тому ли иному дворянину, чье имя и давало наименование данному населенному пункту. Так, известно, что аул Хаджи Берзека (по контексту, Догомуко Берзека) находился «в десяти верстах от укр. Навагинского, на левом берегу реки Сочи» (сегодня – селение Пластунка, входящее в состав города Сочи) (Бэлл 2, 2007: 323). Лидерский статус глав обществ не обозначал подчиненность им свободных членов этих объединений. Например, в феврале 1842 г. четыре представителя знатнейшего рода Берзеков присягнули Российской империи, поклявшись на Коране, что не только они, но и их крестьяне, и их подданные, будут верноподданными российскому императору (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 12–13 об.). Но дальнейшие события показали, что этой присяге оказались привержены только четыре Берзека, остальные же жители общества Субеши, и других убыхских обществ не считали себя связанными какой-то клятвой одних из дворян, тем более, что присягнувших не поддержали даже их родственники – остальные мужчины из дворянского рода Берзеков. В ситуации с этой присягой интересен факт, что первоначально в российских документах Берзеки именовались «князьями», затем И.д. Начальника Черноморской береговой линии (ЧБЛ) И.Р. Анреп объяснил вышестоящему начальству, что он называл их князьями, как сами они себя называли и кем их признавали джигеты (садзы) и абхазы. Позднее Анреп «удостоверился, что Убыхи, как Шапсуги и Нагухайцы князей не имеют и потому Берзеки могут причислены к высшему дворянству» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 15).

Такое «дворянское» самосознание, возможно, свидетельствует об их особенном положении – принадлежности к дворянскому сословию в прошлом, а на середину XIX в. сохранившемся только номинально, как символ/знак. Особое место в дворянской иерархии в 1830-е гг. занимал Ахмет Аубла/Аблагуо. Л.И. Лавров писал, что эта семья принадлежала к высшей горской знати «ахы» (Лавров, 2009: 72). Такое высокое положение отразилось и в российских документах, где Ахмет Аубла назван князем (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 111). Фамилия Аубла (Облагу) причисляется Ш.Д. Инал-Ипа к садзским или абхаз-убыхским (Инал-Ипа, 1995: 254, 256), то есть смешанным фамилиям. Ахмет Аубла проживал в прибрежной зоне, в долине Соче. Л.И. Лавров указывал, что Аблагуо, очевидно,

были одним из абхазских (асадуаских) родов, завладевших частью убыхского побережья в процессе абхазской миграции на северо-запад (Лавров, 2009: 74).

Каждая из зон проживания (своеобразных экологических ниш) убыхов характеризовалась особым ландшафтом. Эти земли представляли собой как минимум два типа окружающей среды. Причерноморская – с большим количеством плодородных земель, предгорная – с меньшим. Климат влажный, обусловленный большим количеством выпадающих в течение года осадков, характерен для обоих территориальных ареалов, температурный режим различается в зависимости от вертикальной зональности. Мягкий климат в прибрежной полосе сменялся более суровым и холодным в предгорной и горной зонах обитания убыхов. Дж. Бэлл писал, что «от Мамая ...холмы, как и долины, весьма плодородны...» (Бэлл 2, 2007: 250). Ему вторил Т. Лапинский, понимая под «Абазией» широкую полосу черноморского побережья Северо-Западного Кавказа: «почва Абазии самая плодородная на земле. Как равнина, так и горы производят все виды хлебных злаков» (Лапинский, 1995: 55). Земледелие заключалось в обработке земли, освобожденной от зеленых насаждений (например, подсечно-огневым способом), простейшими орудиями труда – деревянными рогатками и мотыгами. «Земледелие здесь основано на примитивном начале; никто у этого простого народа не питает мысли присвоить более значительный участок земли, чем он может с пользой использовать» (Бэлл 1, 2007: 194). Под зерновые культуры были определены как небольшие участки пашни, так и склоны холмов, и даже некоторые предгорья. В причерноморской части возделывалась пшеница, хотя в большей степени внимание уделялось кукурузе, ячменю и овсу, в горах же, по-прежнему, специализировались на выращивании проса. Т. Лапинский подчеркивал возросшую роль кукурузы «в последнее время» (конец XVIII – первая четверть XIX вв.), обусловленную не только высокой урожайностью этого злака, но и рыночным спросом на него турецких хлеботорговцев. Помимо зерновых культур, небольшие свободные участки земли занимали под огородничество и садоводство. Выращивали лук, «красный» перец, чеснок, петрушку, огурцы, капусту, тыквы, стручковую фасоль и др. «Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо, и хотя на них затрачивается мало труда, здесь можно найти все сорта хороших фруктов» (Лапинский, 1995: 55). Особое место в жизнедеятельности убыхов, по-видимому, занимало виноградарство, причем помимо окультуренных виноградников, повсеместно в лесу можно было встретить и дикую виноградную лозу. Рассматривая долину р. Сюбеш (Субеши), Дж. Бэлл отмечал, что «долина... выглядит особенно богатой и очень хорошо возделана, здесь очень много деревьев, а самые большие все украшены гирляндами огромных виноградных кустов, из которых многие жители ...получают восхитительное вино и очень хорошую водку» (Бэлл 1, 2007: 41). Т. Лапинский писал, что «в Убыхе вырабатывается много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов» (Лапинский, 1995: 55). И. Бларамберг указывал, что во второй четверти XIX в. «некоторые черкесские племена, в том числе убыхи, начали заниматься разведением шелковичного червя, тем более, что в их краях тутовое дерево не редкость. То небольшое количество шелка, которое они получают в настоящее время, используется черкешенками для собственных нужд» (Бларамберг, 1974: 370).

Меньше пригодных для земледелия мест в предгорной зоне стимулировало население заниматься помимо земледелия, обеспечивавшего только единичное хозяйство, скотоводством и охотой, чему способствовали многочисленные лесные массивы. Вот как описывал эти земли Дж. Бэлл. «Хаджи Дахум-Оку.... принадлежит клану Берзек, самому многочисленному на побережье... Хаджи и большая часть его клана занимают возвышенный район под названием Убух, простирающийся от вершин Главного Кавказского хребта до варданской параллели, образуя тем самым начало северо-западного разветвления хребта. Укрепившись в этом неприступном месте, Хаджи и его клан всегда готовы напасть с вершины своих гор, подобно стремительным горным лавинам, чтобы или отбросить врага, или отомстить предателям» (Бэлл 2, 2007: 67). Занимаясь скотоводством, разводили овец и коз, в прибрежной зоне можно было встретить коров и буйволов. Исследователи отмечали, что скотоводство в предгорной и горной Убыхии доминировало над земледелием и садоводством, причиной этому была плохая земля (Кишмахов, 2012: 252). Участки, выделявшиеся под выращивание аграрных культур, были, скорее всего, в личной собственности нуклеарной семьи, пастбища для выпаса скота – не имели ограждений, и считались общественными, то есть находящимися в ведении всего общества или расширенной родовой группы. «Пастбища остаются в общем пользовании жителей местности и редко когда огораживаются» (Бэлл 1, 2007: 194). Недостаток пригодных для выпаса скота земель, особенно в позднее зимнее, снежное время могло компенсироваться кооперацией с соседними (через Большой Кавказский хребет) абазинскими группами, чьи пастбища по договоренности убыхи использовали под свои стада. В российских документах зафиксированы факты подобного расширения собственных ресурсных возможностей убыхами. Например, генерал Засс в феврале 1835 г. рапортовал, что убыхи из-за недостатка кормов перегнали свои стада баранов в верховья реки Чадаго, т.е. на северную сторону Большого Кавказского хребта, на пастбища союзных им баговцев, одну из групп абазин-тапантовцев. Возглавлял группу убыхов, перегонявших стада, представитель одного из важнейших дворянских родов Берзеков, живущих именно в горной местности, – Бах Берзеков, погибший в столкновениях с русскими войсками, решившими воспрепятствовать убыхам в спасении скота от голодной смерти, и тем самым, ослабить их (АКАК, 8: 748–749).

В прибрежной зоне убыхские общества до прихода русских войск вели достаточно оживленную торговлю с оттоманскими купцами. В основном, торговля велась рабами, а также некоторыми продуктами охоты (например, мехом пушных зверей). Английские ситцы, полученные в результате не только торговли, но и пиратства, убыхи продавали, в том числе, и абадзехам (Дьячков-Тарасов, 1902: 11).

Дж. Белл упоминал семью дворянина Магу, получившего право взимать морскую пошлину за победу над морским чудовищем (Бэлл 2, 2007: 241). Л.И. Лавров отмечал, что культ змееборца Магу известен в регионе и не может считаться исключительно убыхским, но, в тоже время, он связывал имя культурного героя Магу с происхождением одной из убыхских дворянских фамилий Чизе-Магу (Лавров, 2009: 65, 85) – Чисьма/Чизме российских документов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 16 об.).

В условиях ограниченности ресурсов и роста плотности населения набеги с целью грабежа на соседние общества составляли для убыхов важную статью дохода. Организации подобных походов представляли прекрасные примеры надгрупповой консолидации убыхов. Н.Ф. Дубровин описывал, что перед совершением похода убыхи выбирали предводителя партии. Им мог быть только человек известный своей храбростью и опытностью, участвовавший к тому времени в подобных мероприятиях и в качестве простого воина и руководителя небольших групп в 30–40 чел. Важно отметить, что такая временная консолидация не стирала полностью межгрупповые границы. «Собранная партия делилась на части: люди одной деревни, числом от десяти до ста человек, составляли особую часть или по выражению убыхов, отдельный огонь, получавший название по имени деревни или целого околотка» (Дубровин, 2002: 295–296). Например, в 1834 г. убыхи участвовали в набеге на российские границы под предводительством кабардинских князей Атажукина, Беярсланова и Карамурзиных (АКАК, 8: 743). В марте 1839 г. «независимые азога» (по терминологии Н.Н. Раевского) собрались в долине Мзымты (Артокуадж) в количестве до 2 тыс. человек, и под руководством «дворянина Керандука» (Хаджи Керандухо Берзек – В.К.) совершили набег на земли Шервашидзе, разграбив дер. Чандар (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 62. Л. 46 об.–47 об.) (соврем. Ачандары). В сентябре 1840 г. 7 тыс. чел. убыхов и других горцев, собравшихся на Соче, во главе с Хаджи Берзеком, начали поход на Абхазию, но остановились в Цандрипше, чтобы наказать присягнувших России «князей Цанбеевых» (АКАК, 9: 449) (садзские дворяне Цанба/Цванба). Поход убыхов не увенчался успехом, как рапортовал ген. Головин гр. Чернышеву 23 января 1841 г.: «...сборище Убыхов разошлось, не исполнив своего намерения..» (АКАК, 9: 496).

Между представителями убыхских дворянских фамилий существовала конкуренция, обусловленная борьбой за символический капитал – лидерство над временными объединениями-коллективами для совершения набега и т.д., поэтому неудачный поход воспринимался как удар по репутации, снижающий ресурсные возможности лидера. В документах описан случай такого неудачного похода и последовавших за ним обвинений в потере удачливости. Зимой 1852 г. поход убыхов в Абхазию во главе с Хаджи Керандухом Берзеком провалился. В рапорте И.д. начальника III отделения ЧБЛ полковника Колюбакина вице-адмиралу Серебрякову описывалось изменившееся положение Берзеков: «Нет сомнения, что Берзеки, предводители Убыхов, чтобы не лишиться первенства в народе, первенства, приобретенного многолетними военными удачами, попытаются смыть с себя срам последнего предприятия против Абхазии... Счастье изменило им, собралось ополчение не тайно, несколько тысяч, предводительствуемые Берзеками...». После поражения «Убыхи сложили вину малодушия на предводителей и обвинили в измене Хаджи Керандуха Берзека, который почти один хотел не отступать, а идти вперед...». Далее констатировалось, что «...Берзеки, побуждаемые как положением выгоды, так страстями, из которых самая сильная в сердце азиатца есть мщение, не могут оставаться спокойными, а должны искать случая для оправдания себя перед народом и для восстановления военной славы своей...» (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1 Д. 1415. Л. 1–1 об.). Ранее, осенью 1841 г., когда убыхи во главе в Хаджи Догомуко Берзеком нападали на двигавшиеся русские войска от Св. Духа к Навагинскому укреплению, после нескольких неудачных штурмов и стычек, Берзек хотел продолжать атаковать, но «его не допустили и он, оставляя сборище (ок. 5 тыс. человек), сказал «теперь дерись, кто хочет, а я еду домой»» (АКАК, 9: 517). Эти неудачные военные действия существенно уменьшили дворянский слой убыхского общества. По данным российских лазутчиков, погибло 11 человек из фамилии Берзек, 7 – из фамилии Дзиаш (Дзейш), ранены сын Хаджи Берзека и влиятельный воин Состангул Берзек (АКАК, 9: 518). Всего убыхи потеряли до 1700 чел. убитыми и ранеными (АКАК, 9: 520), возможно в этой цифре учли не только убыхов, а увлеченных ими в поход союзников.

Еще одной формой надгрупповой консолидации убыхов были народные собрания, на которых принимались все важнейшие решения. Например, в ноябре 1843 г. около форта Навагинского на такое собрание для обсуждения принятия присяги России собралось до 400 убыхов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 15 об.).

Политика Российской империи на Северо-Западном Кавказе изменила уклад жизни прибрежных и горных убыхских, садзских и иных обществ. Захват бухт и удобных мест для постройки причалов и фортов, ограничили, или вовсе прекратили внешнюю торговлю убыхов с оттоманскими купцами, чем существенно снизили экономический потенциал прибрежных обществ. В мае 1840 г. ген. Н.Н. Раевский докладывал гр. М.С. Воронцову: «...от уменьшения контрабанды у горцев

накопилось шкуры, воск, мед, мед и меха, которых некуда им сбыть» (АКАК, 9: 489). Меновая торговля с русскими приживалась постепенно, будучи зависима от разнородных практик. В декабре 1846 г. в рапорте ген. Будберга гр. Воронцову описывались перипетии подобных стратегий. «Убыхи и Шапсуги после почти 2-х летнего голода, собрав в нынешнем году обильную жатву и не нуждаясь уже в нашей помощи, постоянно выказывали с половины года неприязнь к нам, и хотя меновая торговля не прекращалась, но в тоже время число враждебных против нас предприятий увеличивалось» (АКАК, 10: 628).

В тоже время, у убыхских дворян появилась новая возможность получения дохода – принятия подданства и переход на службу России с получением офицерских чинов и жалованья. В 1837 г. «старшина» убыхов Беарслан Берзеков встречался с бароном Розеном (адъютантом Вельяминова, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории), склонялся к принятию российского подданства и обещал поспособствовать привести к присяге убыхов, живущих «в горах за р. Сочею» (АКАК, 8: 874–875). К генералу Симборскому, командующему российскими войсками в Абхазии, то есть в другую сторону, на юг, в том же июле 1837 г. поехал для встречи еще один лидер убыхов – старшина Хасан Берзеков, которому были даны письменные условия покорности горцев. На следующий день он вернул их с отказом горцев присягать российскому императору (АКАК, 8: 876). В феврале 1842 г. четыре представителя знатнейшего рода Берзеков (Тлицук Шеулех-уко, Мату Шеуей-уко, Эдиге Шеулех-уко, Эльбуз Хапеш-уко) присягнули Российской империи. Причем они поклялись на Коране, что не только они, но и их крестьяне, и их подданные, будут верноподданными российскому императору. Берзеки получили чины поручиков и жалованье (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 12–13 об.). Подробнее, этот случай был рассмотрен коллегами-историками в специальной статье (Cherkasov et al., 2015: 543–544). Ранее, в 1841 г. какие-то представители этой же могущественной семьи Берзек изъявили покорность российскому правительству в лице генерала Анрепа, «что было поводом к несогласию между сильнейшими в народе фамилиями Берзеков и послужило ко взаимному ослаблению их партий» (АКАК, 9: 296).

Такие самостоятельные стратегии расширения лидерских возможностей отдельными дворянскими семьями или даже их частями вызвали конфликтность, нарушая сложившийся баланс и зыбкую иерархию дворянских родов. Владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе описывал ситуацию переговоров с Хаджи Догомуко Берзеком о принятии подданства, на которых тот сетовал на раздоры и несогласия, бытовавшие между значительнейшими убыхскими фамилиями (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 15). В мае 1844 г. сообщалось о ссоре двух знатных убыхских родов Берзеков и Фаговых (Фагуа) в ходе народного собрания по выборам представителя в депутацию для поездки в Стамбул, в результате которой один из Фаговых был убит, после чего два других дворянских рода «князья» Дишановы (Джаны) и Дзияшевы (Дзепш-Зеуш) предпринимали усилия к примирению сторон (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 107–107 об.). Ранее, в 1838 г. Дж. Бэлл описывал конфликт между Берзеками и другим дворянским убыхским родом Хунджа (у Бэлла – Хунш). Один из Хунджей пожелал жениться на дочери Хаджи Дахум-Оку (Догомуко) Берзека, на что получил ответ о непозволительности ему выдвигать такие притязания из-за более низкого ранга его рода перед Берзеками. Влюбленный похитил невесту, чем спровоцировал эскалацию конфликта. Семья Хундж удерживала девушку несколько недель. Отец девушки, «заручившись помощью своего братства», сумел вернуть ее только в результате кровавого столкновения, итогом которого стали пятнадцать человек убитых и раненых (Бэлл 2, 2007: 84). В августе 1849 г. ген. Будберг докладывал гр. Воронцову в числе прочего и о том, что «у Убыхов происходят кровопролитные междоусобия между фамилиями Берзек и Чизма» (АКАК, 9: 678).

Периоды ведения военных действий с соседями сменялись временами покоя и согласия, демонстрирующими межгрупповую солидарность и консолидационные процессы. В ноябре 1843 г., когда российская администрация, используя владетельного князя Абхазии Михаила (Махмуда) Шервашидзе, пыталась склонить убыхов к принятию присяги на верность подданства российскому императору, убыхский отказ был обусловлен желанием посоветоваться по данному вопросу с абадзехами и шапсугами: «...с содействием коих надеются водворить согласие и между всеми жителями своего племени». Дело в том, что незадолго до этих переговоров Шервашидзе и начальника III отделения ЧБЛ генерал-майора Муравьева с убыхами, последние были приглашены и участвовали в аналогичном народном собрании абадзехов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 16 об.). Первичные переговоры с убыхами вели представители элит соседних обществ – князья Ростом Инал-Ипа (абхаз), Аслан-Бей Гечь Антхуа (садз) и дворянин Якуб Чачава (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 15 об.).

Солидарность убыхов с абадзехами обусловлена «конструированием» общего происхождения: абадзехи считали убыхов «родственным племенем» (Дьячков-Тарасов, 1902: 9). Кроме того, среди выдающихся абадзехских фамилий встречалась фамилия Берзек (Дьячков-Тарасов, 1902: 38).

Судьба Ахмета Аубла демонстрирует стратегии наилучшего использования в 1830–1840-х гг. ресурсов прибрежной части Убыхии, где он проживал: присяга представителям российской администрации, получение чинов, жалованья и иных привилегий. В 1838 г. он взаимодействует с ген. Симборским, высадившимся недалеко от местожительства Аубла: ищет возможность сохранения своего статус-кво на побережье как покровителя торговли, просит «пожалеть» усадьбы и сады,

обменяться пленными (Лавров, 2009: 73). В 1842 г. Аубла через посредничество субашинского турка Хасана Сулимана-Ипы явился к форту Головинскому и передал И.д. Начальника III отделения ЧБЛ подполковнику Плац-беку Кокуму, что он раскаялся в своих проступках, и, «мучаясь угрызениями совести», просил о помиловании (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 11–11 об.). Дело в том, что, согласно Л.И. Лаврову, Ахмет Аубла еще в 1841 г. вместе с Зурабом Хамышем приняли присягу на верность российскому императору, но вынуждены были отречься от неё (Лавров, 2009: 73). Аубла и Хамыш были арестованы убыхами во главе в Хаджи Берзек (Догомуко), племянником его Керентуком (Хаджи Керендук Берзек) и Мурадом, жителем долины Вардане, известным своей храбростью. Аубла и Хамыша принудили отречься от данной ими присяги, и только после этого освободили.

В январе 1845 г. именно стараниями капитана князя Ахмета Аубла два рода «почетных убыхских дворян» Дишановы (Джаны) и Фагуа (Фаговы) приняли присягу на верность подданство России: Джаны – Махметан, Патта, Состанкул, Апигеж; Фагуа – Возуршей 1-й и 2-й, Джумгат, Ахмет, Эберхам, Шимаф, Еслам, Татлистан, Золику, Гетше, Омер, Мисауст, Якуб, Систахула, Хозербека, Асланух, Гучус, Бат, Мурза, Темруха, Хотшир, Патух, Эбар, Тляж, Прону (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 112). Данная присяга рассматривалась в историографии (Cherkasov et al., 2015: 546). В 1846 г. Аубла в числе других раскрыл российскому командованию план похода горцев на Абхазию – Пицунду и укрепление Св. Духа (Лавров, 2009: 73). Личность Ахмета Аубла интересна еще и тем, что по сведениям Дж. Белла, он трепетно относился к крестам и запрещал разрушать их (Бэлл 2, 2007: 19, 47). Подробнее о жизни и деятельности Ахмета Аубла можно прочитать в недавно вышедшей статье (Cherkasov et al., 2014: 67). Противоположной стратегией получения новых возможностей для пролонгации лидерства была опора на Османскую империю, и получение от неё всевозможных преференций. Хаджи Догомуко Берзек, названный в российском документе «Убыхский мулла Декумук-хаджи», прибыв из Египта (?) в 1839 г., доставил «всем почетнейшим людям» грамоту от великого визиря турецкого султана Ибрагим-паши, в которой содержался призыв к сопротивлению колонизации и разрушению приморских российских укреплений (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 24). Обе эти стратегии могли стать одной и той же практикой дворянина-убыха, заинтересованного в сохранении своего лидерского статуса, к тому же ощущающего потребность, в том числе и в материальных ценностях. Непримиримый вроде бы противник России Хаджи-Керендук Берзек «попеременно – то враждовал против нас, то втайне от народа сближался с нами из видов корысти...долгое время получал пенсию от правительства, но в 1851 г. был лишен её за подозрительные действия и стал открыто враждовать против нас...» (АКАК, 9: 252). Такие модели ведения дел порождали к нему двойственное отношение не только среди российских чиновников, но и убыхского сообщества. Когда в начале 1860 г. Хаджи Керендук Берзек вступил в очередные переговоры с российскими чиновниками, против него и бывших с ним на переговорах убыхов составила «партия недовольных», о чем начальнику войск в Абхазии ген.-майору Корганову рассказал приехавший к нему джигетский дворянин Сомех-Абич. «Партия недовольных» обвиняла Берзека, что он вел переговоры, не имея полномочий от всего убыхского населения, «и не имея согласия от всех, обещали примирение от имени всего Убыхского племени». Противники примирения с Россией апеллировали к письму из Стамбула находящегося там убыхского дворянина «Варданского жителя Измаил-бея-Баракай-ипа-Дзиаша», который извещал, что вскоре Турция и Англия опять объявят войну России (АКАК, 11: 48). Хаджи Керендук Берзек не терял надежды уговорить большую часть своих «соплеменников» принести присягу на верность подданства России, поэтому прислал к Корганову своего племянника прапорщика Кучук-Хаджи-Мехмет-Берзека. Но уже в марте 1860 г. сообщалось, что Хаджи Керендук среди многих «важных лиц, пользовавшихся некогда большим влиянием в народе, ныне утратившим свою силу...имеет положительное намерение с семейством и с некоторыми родственниками и подвластными своими выселиться в Турцию» (АКАК, 12: 837–838).

5. Заключение

Таким образом, убыхская общность в середине XIX в. представляла собой динамичную систему, обусловленную функционированием гетерогенных факторов.

Две ландшафтные зоны (прибрежная и горная) со специфической окружающей средой диктовали использование различных технологий в получении всевозможных ресурсов для удовлетворения потребностей населения. Преобладание простейшего земледелия (пашенного в низинах и мотыжного в предгорьях), отгонного скотоводства, собирательства (бортничество и дикорастущие плоды) предопределило функционирование у убыхов мелких нуклеарных хозяйств, объединенных в дисперсные населенные пункты. Причем, наблюдалась прямая зависимость укрупнения поселений при движении с гор на равнинные участки в прибрежную зону.

В тоже время, такие более менее крупные прибрежные поселки являлись уже смешанными по составу населения – убыхско-адыгско-садзскими (абазинскими), и полилингвальными с преобладанием адыгского и садзского языков межкультурной коммуникации. Горные же хутора оставались семейными (родовыми) хуторами, где собственно и функционировал убыхский язык.

Социальная организация производства в горной зоне находилась на семейном уровне, в прибрежной – на локальном, более сложном уровне конкуренции за ресурсы, где возрастала роль элит.

Консолидация убыхов, а тем более надгрупповая солидарность во главе с родовыми (фамильными) лидерами-дворянами демонстрировалась окказионально (набег, война, народное собрание), когда получение дополнительных ресурсов требовало решения проблем жизнеобеспечения с помощью реализации лидерских потенциалов.

Активное освоение Северо-Западного Кавказа Российской империей трансформировало уклад жизни и культуру жизнеобеспечения убыхов. С одной стороны, увеличивающаяся плотность населения ограничивала доступ к приобретению ресурсов, с другой – открывала возможности получения новых благ в виде жалованья, новых рынков сбыта зерна, шкурок пушного зверя и т.д.

Оказавшись между двух империй – Российской и Османской, убыхи меняли стратегии поведения, лавируя в новых социокультурных условиях. Демографическое давление на район проживания убыхов, события Кавказской войны способствовали росту политической интеграции, которая хоть и была слабой, но проявлялась в участии убыхов в «конфедерациях» (с адыгами, садзами, абхазами и абазинами) и в т.н. горском меджлисе – «Великом народном собрании», одним из руководителей которого являлся Хаджи-Керендук Берзек. В тоже время, консолидация с соседними обществами сменялась противодействиями и войной, после чего опять возобновлялся союз. Такая динамичность проявлялась также в постоянной конфликтности между убыхскими лидерами, между дворянами и крестьянами, что тоже свидетельствует о неустойчивости социальной структуры общности. Характеристикой политической ситуации в Убыхии может быть фраза российского чиновника генерал-майора Муравьева в аналитической записке своему начальнику Анрепу: «...сильное это племя неповинуется между собой никакой власти, кроме нравственного влияния...».

Такая же амбивалентность наблюдалась в религиозной сфере, где периоды временной консолидации сменялись процессами дезинтеграции, что было обусловлено религиозным синкретизмом убыхов. В 1850 г. объединил убыхов, приведя их к присяге, прибывший на Северо-Западный Кавказ наиб имам Шамиля Муххамед-Эмин. Но спустя год убыхи сожгли все мечети и отказались от присяги.

Функции родовых (фамильных) лидеров-дворян (куашха) реализовывались в экстраординарных случаях жизнедеятельности убыхов, практически не влияя на повседневные занятия земледелием и скотоводством, охотой и собирательством. В каждом таком случае необходимо было восполнить ресурсы и адаптироваться к новым вызовам, обусловленным неурожаем, суровой зимой или войной. Такой тип общности можно определить как догосударственную форму социальной организации – региональную политию (независимую политическую единицу) с «простым» вождеством (сложной иерархической системой, объединяющей совокупность локальных общинных поселений).

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта, поддержанного Российским научным фондом № 15-18-00008 «Вымирание малых народов: факторы, дискуссии, ревитализация» (2015–2017 гг.).

Литература

- АКАК** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Тифлис, 1866–1904.
АКАК, 2 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 2. Тифлис, 1868
АКАК, 7 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 7. Тифлис, 1878.
АКАК, 8 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 8. Тифлис, 1881.
АКАК, 9 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1883.
АКАК, 10 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885.
АКАК, 11 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 11. Тифлис, 1888.
АКАК, 12 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904.
Бларамберг, 1974 – *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1974.
Бэлл 1, 2007 – *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Т. 1. Нальчик: Изд-во «Эль-фа», 2007.
Бэлл 2, 2007 – *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Т. 2. Нальчик: Изд-во «Эль-фа», 2007
Ворошилов, 2006 – *Ворошилов В.И.* История убыхов (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX в.). Майкоп, 2006.
Генко, 1928 – *Генко А.Н.* О языке убыхов // Известия АН СССР. М.: Наука, 1928
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

- [Дубровин, 2002](#) – *Дубровин Н.Ф.* О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2002.
- [Дьячков-Тарасов, 1902](#) – *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзеи (Историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 22. Вып. 4. Тифлис, 1902.
- [Инал-Ипа, 1995](#) – *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во «Наука», 1995.
- [Крадин, 2004](#) – *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004.
- [Кишмахов, 2012](#) – *Кишмахов М.Х-Б.* Проблемы этнической истории и культуры убыхов. Сухум–Карачаевск: ООО «Тетраграф», 2012.
- [Коков, 2000](#) – *Коков Дж.Н.* Избранные труды. Адыгская топонимия. В двух томах. Т. 1. Нальчик, 2000.
- [Лавров, 2009](#) – *Лавров Л.И.* Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
- [Лапинский, 1995](#) – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев / Перевод В.К. Гарданова. Нальчик, 1995.
- [Немировский, 1947](#) – *Немировский М.Я.* К истории изучения убыхского языка // Ученые записки Ростовского на Дону Государственного университета им. В.М. Молотова. Т. V. Труды историко-филологического факультета. Вып. 2. Кафедра общего и кавказского языкознания. Таганрог, 1947.
- [Услар, 1887](#) – *Услар П.* О языке убыхов // Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- [Фадеев, 1935](#) – *Фадеев А.В.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический вестник. Л., 1935. № 4.
- [Хафизова, 2007](#) – *Хафизова М.Г.* Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе в 20-60-е годы XIX века: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик, 2007. 175 с.
- [Cherkasov et al., 2014](#) – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. Vol. 8, no. 3, 2014.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015) The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. // *Bylye Gody*, (3). 37: 541-548.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016) The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. // *Bylye Gody*. (2), 40: 382-391.
- [Colarusso, 2002](#) – *Colarusso J.* Nart Sagas from the Caucasus: Myths and legends from the Circassians, Abazas, Abkhas, and Ubykhs. Princeton, New Jersey, 2002.
- [Dirr, 1928](#) – *Dirr A.* Die sprache der Ubychen. Leipzig, 1928.
- [Dumezil, 1931](#) – *Dumezil G.* La langue des Oubykhs. Paris: Librairie ancienne honore champion, 1931.
- [Johnson and Earle, 2000](#) – *Allen W. Johnson and Timothy Earle.* The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State, Second Edition. Stanford University Press, 2000.
- [Meszaros, 1934](#) – *Meszaros J. von.* Die Päkhy-sprache / The Oriental institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Civilization, №3. Chicago, 1934.
- [Vogt, 1963](#) – *Vogt H.* Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction phonologique index français-oubykh textes oubykhs. Oslo, 1963.

References

- [АКАК](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey [Acts, collected by Caucasian Archeographic Committee]. Izdan pod redaktsiey A.P. Berzhe. [Edited by A.P. Berzhe]. V 12-ti tomakh [In twelve vol.]. Tiflis, 1866–1904.
- [АКАК, 2](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 2. Tiflis, 1868
- [АКАК, 7](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 7. Tiflis, 1878.
- [АКАК, 8](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 8. Tiflis, 1881.
- [АКАК, 9](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 9. Tiflis, 1883.
- [АКАК, 10](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. Т. 10. Tiflis, 1885.
- [АКАК, 11](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. В 12 т. Т. 11. Tiflis, 1888.
- [АКАК, 12](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komicciey. В 12 т. Т. 12. Tiflis, 1904.
- [Bell, 2007](#) – *Bell J.* Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov. V dvukh tomakh. [Journal of Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. In two volumes]. Nalchik: El-fa, 2007.
- [Blaramberg, 1974](#) – *Blaramberg I.* Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistic, ethnographical and military description of Caucasus] // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vekov / Sost., red. perevodov, vvedenie i vstup. stat`yi k tekstam V.K. Gardanova. Nalchik: El`brus, 1974.

- Genko, 1928** – *Genko A.N.* O yazyke ubykhov [About Ubykh language] // *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Soviet Academy of Science News]. M.: Nauka, 1928.
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. Vol. 8, no. 3, 2014.
- Cherkasov et al., 2015** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. *Bylye Gody*, 2015, Vol. 37, Is. 3.
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2.
- Colarusso, 2002** – *Colarusso J.* Nart Sagas from the Caucasus: Myths and legends from the Circassians, Abazas, Abkhas, and Ubykhs. Princeton, New Jersey, 2002.
- Dirr, 1928** – *Dirr A.* Die sprache der Ubychen. Leipzig, 1928.
- Dubrovin, 2002** – *Dubrovin N.F.* O narodakh Tsentral`nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza [Central and North-Western Caucasian Peoples]. Nalchik: El-fa, 2002.
- Dumezil, 1931** – *Dumezil G.* La langue des Oubykhs. Paris: Librairie ancienne honore champion, 1931.
- D`yachkov-Tarasov, 1902** – *D`yachkov-Tarasov A.N.* Abadzekhi (Istoriko-etnografichesky ocherk) [Historical and Ethnographical Essay of Abadzekh] // *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Russian Imperial Geographical Society, Caucasian Division Notes]. Kniga XXII. Vypusk. 4 [Vol. XXII, №4]. P. 3. Tiflis, 1902.
- Fadeev, 1935** – *Fadeev A.V.* Ubykhi v osvoboditel`nom dvizhenii na Severo-Zapadnom Kavkaze [The Ubykhs in North Caucasian Liberation Movement] // *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald]. L., 1935. № 4.
- GAKK** – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraia [Krasnodarsky krai State Archive].
- Inal-ipa, 1995** – *Inal-ipa Sh. D.* Sadzy. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [The Sadzes. The Historical and Ethnographical Essays]. M.: Nauka, 1995.
- Johnson and Earle, 2000** – *Johnson Allen W. and Timothy Earle.* The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. 2-nd edition. Stanford University Press, 2000.
- Khafizova, 2007** – *Khafizova M.G.* Ubykhi v osvoboditel`nom dvizhenii na Severo-Zapadnom Kavkaze v 20–60 gody XIX veka [The Ubykhs in North Caucasian Liberation Movement on 20–60 years of 19 century]: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD thesis]. Nalchik, 2007.
- Kishmakhov, 2012** – *Kishmakhov M.Kh.-B.* Problemy etnicheskoy istorii i kultury ubykhov [Problems of Ubykhs History and Culture]. Sukhum–Karachaevsk, 2012.
- Kokov, 2000** – *Kokov Dzh. N.* Izbrannyye Trudy. Adygeiskaya toponimiya. [Collected works. Adygeian Toponymy]. V dvukh tomakh. [In two volumes]. Tom 1. [Vol. 1]. Nalchik, 2000.
- Kradin, 2004** – *Kradin N.N.* Politicheskaya antropologiya [Political Anthropology]. M.: Logos, 2004.
- Lapinski, 1995** – *Lapinski, Th.* Gortsy Kavkaza I osvoboditel`naya bor`ba protiv russkikh [Caucasian Mountaineers and their fight against Russians]. Perevod V.K. Gardanova [Translated by V.K. Gardanov]. Nalchik: El-fa, 1995.
- Lavrov, 2009** – *Lavrov L.I.* Ubykhi: Istoriko-etnograficheskaya monografiya [The Ubykhs.: historical and ethnographical monography]. Sankt-Petersburg: Nauka, 2009.
- Meszaros, 1934** – *Meszaros J. von.* Die Päkhy-sprache / The Oriental institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Civilization, №3. Chicago, 1934.
- Nemirovskiy, 1947** – *Nemirovskiy M.Ya.* K istorii izucheniya ubykhskogo yazyka [To History of Ubykh language Studies] // V.M. Molotov`s Roston-on-Don State University Scientific Affairs. Vol. 5. History and Philology Department Studies. Issue 2. General and Caucasian Linguistic Division. Taganrog, 1947.
- Uslar, 1887** – *Uslar P.* O yazyke ubykhov [About Ubykh language] // *Abkhazsky yazyk* [The Abkhazian language]. Tiflis, 1887.
- Vogt, 1963** – *Vogt H.* Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction phonologique index français-oubykh textes oubykhs. Oslo, 1963.
- Voroshilov, 2006** – *Voroshilov V.I.* Istoriya ubykhov [The Ubykhs History]. Maykop, 2006.

УДК 398.324

О типологии убыхской общностиВладимир Игоревич Колесов ^{a, *}^a Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры убыхской общности, ее обусловленности таким параметрам как окружающая среда (две ландшафтные зоны), культура жизнеобеспечения, социальная организация производства.

При написании статьи автор использовал неопубликованные документы Государственного архива Краснодарского края и источники личного происхождения середины XIX в. Проанализированы достижения предыдущей историографии (А.Н. Генко, П.С. Услар, Л.И. Лавров, Ж. Дюмезиль, М.Х-Б. Кишмахов, М.Г. Хафизова, В.И. Ворошилов, А.А. Черкасов и др.).

Исследованы роли политических лидеров в функционировании социума, в особенности фамилии Берзек. Констатируется влияние процесса освоения Российской империей Северо-Западного Кавказа на трансформацию убыхского общества. Политическая интеграция убыхов была временной и непостоянной.

Через анализ «ядра культуры» делается вывод о типе убыхского социума как региональной политике с простым вождеством.

Ключевые слова: Убыхи, черноморское побережье Кавказа, Российская империя, вождество, Берзеки, ядро культуры, сообщество, полития.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: kolosov_v@yahoo.co.uk (В.И. Колесов)